

Снежный цюйт

Питер Брейгель Старший

Пальцы у Питера Брейгеля холодные, как сосульки. Ног он и вовсе не чувствует. Мороз кусает его, пробирает до самых костей.

Николаес Йонгелинк хлопает в ладоши, стряхивает комья снега с рукавов.

— Шевелись, Брейгель! Охота не дает стареть. Погоня — вот наше мужское дело!

Охотники с собаками выехали в поля еще до рассвета. Они готовы часами носиться по сугробам. А Брейгелю кажется, что все вот-вот умрут от холода. И чего ради? Подстрелили одного взъерошенного зайца — собакам не хватит, не то что людям.

Но вот наконец пришло время вернуться в старый большой уютный дом. Там в камине жарко горит огонь, а на столе — горы разной снеди. За обедом Николаес непременно поднимет чашу с пряным горячим элем и спросит:

— Ну, как там наши «Времена года»?

Йонгелинк, антверпенский торговец и банкир, заказал Брейгелю большой цикл картин. Он выбрал привычную тему: времена года. Но это не просто пейзажи, все картины населены людьми. Сенокос в июне, пахота в октябре, февральский отдых у костра. Календарь трудов можно найти где угодно — в церквях, на побитых молью гобеленах, в старинных книгах. Но Брейгель раскроет

этот вечный сюжет с новой стороны. Он покажет жизнь такой, какая она есть сейчас, в 1565 году.

Из-за снега весь мир кажется новым. «Зимой жизнь тяжелее, но иногда отчего-то чувствуешь себя легким и беззаботным», — думает Брейгель. Вон там, на замерзшем пруду, резвятся дети: привязывают к ногам коньки, катаются на табуретках вместо саней. В морозном воздухе далеко разносится их смех и веселые крики. Серое небо нависло над землей, будто перина. Вот-вот снова посыплется белый пух — снег.

Когда он в последний раз слышал такие радостные голоса? Он не слишком часто видит вблизи деревенских жителей. Уж если они работают, то работают очень тяжело — таскают дрова, нагружают телеги, волокут мешки с зерном к водяной мельнице. Но когда выпадает свободная минутка, они хотят петь, играть, танцевать. На что им художники со своими картинами?

А вот Йонгелинк любит нарядную одежду, вкусную еду, тонкие вина и красивые картины, которыми можно любоваться за обедом. Чтобы крестьяне, скажем, работали в поле или плясали на свадьбе — это его любимые сценки. «Брейгель, друг мой, — вечно вздыхает он, — чего бы я не отдал, чтобы пожить здоровой крестьянской жизнью! Честный труд, крепкий сон, простые забавы — что может быть лучше?»

Во дворе трактира сам хозяин и его дети разводят огонь: надо опалить тушу свиньи, которую только что зарезали. Потом остатки щетины соскребут с кожи, свинью будут потрошить и разделывать. Это одна из главных работ декабря, ее всегда рисуют во «Временах года». Костер так и пышет жаром, Брейгель даже издали чувствует тепло на лице.

Он сжимает и разжимает кулаки, пытаясь отогреть пальцы, и смотрит вдаль, на заснеженную землю. Деловитые маленькие фигурки на льду, вороны в голых кронах деревьев — все видится четко и резко, будто прорисованное тушью. Вот оно! Таким он и сделает свой «Декабрь»: морозный воздух, пламя костра, веселая суматоха на застывшем пруду.

В молодости Брейгель прошел пешком всю Европу до самой Италии: хотел своими глазами увидеть творения великих мастеров. Благодаря им он понял, как по-разному можно увидеть и показать одну и ту же сцену. Например, для Джотто главное — персонажи и их действия. А для Тициана важен фон: пейзаж с деревьями, реками, горами, голубой далью.

Однако же лучше любой картины Брейгелю запомнился опасный переход через Альпы — горы, что отделяют Италию от северных соседей. С каким восхищением глядел он вверх, на зубчатые пики, и вниз — на крутые обрывы и темные ущелья по обе стороны от узенькой тропы! «Мы так малы и ничтожны, — думал он тогда. — Крошечные искры тепла в огромном холодном мире».

— Давай, приятель, шевелись! — кричит Йонгелинк. — Мы почти дома!

Брейгель устало крутит головой. Далеко вокруг, сколько хватит глаз, тянутся снежные поля и замерзшие ручьи. Где же дом и сколько еще шагать?

— Брейгель! Брейгель! Бог ты мой, да у тебя аж губы посинели! — Йонгелинк берет его за плечи и встряхивает раз-другой. — Гляди-ка, и пальцы как сосульки.

Купец изо всех сил растирает руки художника.

— Возьми мои рукавицы, они на меху. Бери, чудак! Если ты отморозишь пальцы, кто будет рисовать мне картины, а?